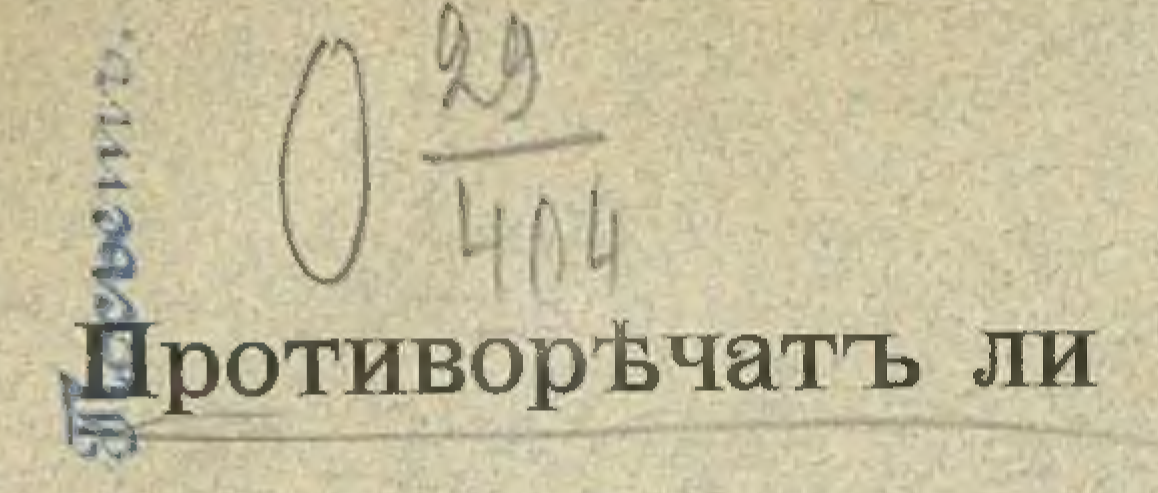
Мехелинъ

Противорѣчатъ-ли права Финляндіи интересамъ Россіи

Противорѣчатъ ли

права Финляндіи интересамъ Россіи?

По поводу финляндскаго вопроса.

Л. Мехелинъ.

Переводъ.

Гельсингфорсъ, 1890.

Противорѣчатъ ли

ПРАВА ФИНЛЯНДІИ ИНТЕРЕСАМЪ РОССІИ?

ПО ПОВОДУ ФИНЛЯНДСКАГО ВОПРОСА.

Л. МЕХЕЛИНЪ.

Переводъ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ, 1890.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ,
Типографія И. К. Френкеля и Сына, 1890 г.

Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи?

Восьмидесятилѣтній опытъ доказалъ политическую цѣлесообразность тѣхъ началъ, на которыхъ Императоръ Александръ I основалъ правовое положеніе Финляндіи въ 1809 г., при соединеніи Великаго Княжества съ Имперіею.

Такъ полагаютъ финляндцы, и долго въ Финляндіи не могли отказаться отъ мысли, что и съ русской точки зрѣнія въ данномъ случаѣ нельзя придти къ иному заключенію.

Дѣйствительно, въ русской періодической печати нерѣдко высказывались мнѣнія, свидѣтельствующія о симпатіи къ Финляндіи, о томъ, что права ея признаются и что они не считаются несовмѣстимыми съ интересами Имперіи.

Однако съ начала восьмидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати сталъ проявляться антагонизмъ противъ Финляндіи и противъ обезпеченныхъ за нею правъ. За послѣднее же вре-

мя эта агитація противъ Финляндіи ведется съ такимъ озлобленіемъ и пристрастіемъ, что вся полемика очевидно направлена къ возбужденію въ русскомъ обществѣ недоброжелательства и подозрительности по отношенію къ финскому народу и къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя являются необходимымъ условіемъ его существованія.

Въ отвѣтъ на нападки и обвиненія финляндская печать приводила неопровержимые доводы. Но агитаціонная печать въ Россіи не считала нужнымъ обращать вниманіе на эти возраженія и еще менѣе заботилась она о томъ, чтобы ознакомить съ ними своихъ читателей. Поэтому весьма вѣроятно, что большая часть той публики, которая почерпаетъ свои свѣдѣнія о Финляндіи исключительно изъ Московскихъ Вѣдомостей и изъ органовъ того же лагеря, мало по малу примкнула къ выставленной этими изданіями деструктивной программѣ, не подозрѣвая, что основаніе, на которомъ она покоится, соткана изъ неправды и клеветы, изъ извращенныхъ фактовъ и перетолкованныхъ положеній закона.

Въ общественной жизни представляется обычнымъ явленіемъ, что по политическимъ вопросамъ общественное мнѣніе, достигнувъ извѣстной силы и распространенія, стремится проявить свое вліяніе и въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ подготовляются правительственныя мѣропріятія. Но въ этихъ сферахъ едва ли будетъ отвергнуто правило „audiatur et altera

rars", внушаемое какъ справедливостью, такъ и благоразуміемъ. Нельзя предположить, чтобы болѣе или менѣе недоброжелательное настроеніе, порожденное газетною агитаціею противъ Финляндіи, наложило окончательную печать на совѣщанія о политикѣ Имперіи въ отношеніи Великаго Княжества. Вопросъ о томъ, необходимо ли измѣненіе политическаго положенія Финляндіи въ виду интересовъ Имперіи, по существу своему требуетъ всесторонняго и объективнаго разсмотрѣнія, гдѣ бы онъ ни подвергался обсужденію. Цѣль настоящей статьи—представить нѣкоторый матеріалъ для такого разсмотрѣнія.

I.

Въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыми вызвана настоящая статья, полемическій элементъ не можетъ быть совершенно исключенъ изъ нея; мы принуждены разсмотрѣть важнѣйшія нареканія, направленныя противъ Финляндіи. Въ передовой статьѣ отъ 9 (21) ноября текущаго года Московскія Вѣдомости съ особенною настойчивостью повторяютъ свои прежнія утвержденія, обвиняя земскіе чины Финляндіи и финляндскій сенатъ въ недостаткѣ лояльности; на этой статьѣ, которая можетъ служить образчикомъ литературныхъ пріемовъ агитаціонной печати въ Россіи, мы считаемъ нужнымъ остановиться.

Газета заявляетъ, что финляндскіе народные представители и сенаторы безустанно стремятся захватить власть, принадлежащую Россійскому Императору, и что въ этомъ отношеніи послѣдній сеймъ 1888 г. слѣдовалъ примѣру сеймовъ, ему предшествовавшихъ.

Какъ же доказывается это тяжкое обвиненіе?

Прежде всего новыми инсинуаціями и неправильными утвержденіями. „И въ крупныхъ и въ мелкихъ дѣлахъ“, говоритъ газета, „направленіе было одно и тоже: вносить ихъ на сеймъ, *подъ предлогомъ лучшаго будто бы ихъ обсужденія.* Оказывалось, такимъ образомъ, что при внесеніи дѣлъ на сеймъ, сему послѣднему приписывалось, — въ объясненіяхъ гдѣ слѣдуетъ, — дѣйствительное его свойство, то есть совѣщательное, чѣмъ и облегчался весь ходъ проектовъ. Но лишь только съ сейма выходили его заключенія или отзывы, — они обращались въ рѣшенія, по крайней мѣрѣ на языкѣ финляндской офиціальной печати, а самъ сеймъ дѣлался законодательною палатой, въ рѣшеніяхъ которой Верховная власть не властна де, будто бы, измѣнить ни единой буквы безъ его, сейма, новаго разсмотрѣнія“.

Это слова Московскихъ Вѣдомостей; факты же говорятъ слѣдующее:

Участіе земскихъ чиновъ въ составленіи законовъ опредѣлено основными законами.

Въ § 40 формы правленія 1772 г. постановлено:

„Король [1] не можетъ издать какой либо новый законъ или отмѣнить старый безъ вѣдома и согласія Чиновъ“; а въ § 41 сказано:

[1] Все, что постановляется относительное Короля въ шведскихъ основныхъ законахъ, которые въ 1809 г. утверждены были для Финляндіи, послѣ 1809 г., разумѣется, примѣняется къ Императору и Великому Князю.

„Государственные Чины не могутъ отмѣнить какой нибудь старый законъ или издать новый безъ воли и согласія короля“.

Въ силу § 6 акта соединенія и безопасности отъ 1789 г., опредѣленія эти однако были измѣнены въ томъ отношеніи, что только монарху, но не чинамъ, принадлежало право возбуждать вопросъ объ измѣненіи законовъ.

Нынѣ, на основаніи Высочайшаго манифеста отъ 13 (25) іюня 1886 г., собственноручно подписаннаго Его Величествомъ, земскіе чины опять пользуются правомъ иниціативы, хотя и не по всѣмъ вопросамъ. Манифестъ этотъ постановляетъ слѣдующее:

„Божіею Милостію МЫ АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: что соотвѣтственно выраженнымъ по § 71-му Сеймоваго Устава отъ 15 (3) Апрѣля 1869 года одобренію и согласію Земскихъ Чиновъ Финляндіи МЫ признали за благо съ отмѣною 6-го пункта Акта Соединенія и Охраненія отъ 21-го Февраля и 3-го Апрѣля 1789 года Высочайше постановить и повелѣть, чтобы §§-фы 51-й и 52-ой сказаннаго Сеймоваго Устава, въ виду дополненія къ оному закона о предоставленіи Земскимъ Чинамъ права предложенія, получили слѣдующее измѣненное содержаніе:

§ 51.

Земскіе Чины, сверхъ предоставленнаго имъ предъ симъ права петиціи, впредь имѣютъ право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ такихъ общихъ законовъ, которые *зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ съ Земскими Чинами;* не могутъ быть однако возбуждаемы предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ основныхъ законовъ, или законовъ объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, а также законовъ о печати; относительно же церковнаго законодательства слѣдуетъ руководствоваться правилами, особо для сего установленными" и т. д.

Изъ текста манифеста, очевидно, вытекаетъ, что по законодательнымъ вопросамъ сеймъ постановляетъ *рѣшенія,* а не представляетъ простые *отзывы или заключенія;* законъ долженъ состояться по *совокупному рѣшенію* Императора и Великаго Князя и земскихъ чиновъ (ср. курсивъ въ приведенной цитатѣ). Поэтому то въ манифестѣ затѣмъ постановляется:

„Если Земскіе Чины, по поводу возбужденнаго предложенія, рѣшатъ принять новый, а также измѣнить или отмѣнить прежній законъ, то должны представить о семъ проектъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ. Въ случаѣ одобренія проекта Земскихъ Чиновъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ и ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ, имѣетъ быть из-

дано постановленіе, дословно согласное съ этимъ проектомъ. Если же проектъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ и ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ не можетъ быть одобренъ въ неизмѣненномъ видѣ, то оный считается въ цѣлости оставленнымъ безъ послѣдствій, о чемъ, по повелѣнію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ, Земскимъ Чинамъ сообщается не позже ближайшаго сейма".

Опредѣленія эти установляютъ порядокъ, вполнѣ аналогичный съ тѣмъ, который предписывается формою правленія относительно законопроектовъ, передаваемыхъ Государемъ на обсужденіе земскихъ чиновъ. Если проектъ земскими чинами измѣненъ, то законъ можетъ быть Высочайше утвержденъ лишь въ той редакціи, которая принята земскими чинами. Въ противномъ случаѣ вопросъ остается безъ послѣдствій.

Приведенныя утвержденія Московскихъ Вѣдомостей являются, слѣдовательно, чистѣйшими выдумками.

Для болѣе полнаго разъясненія вопроса замѣтимъ, что упомянутыя законодательныя права земскихъ чиновъ не обнимаютъ всѣхъ отраслей законодательства. Императоръ и Великій Князь издаетъ безъ содѣйствія земскихъ чиновъ экономическія и административныя постановленія, за исключеніемъ лишь такихъ вопросовъ, которые касаются законоположеній, включенныхъ въ *общее* уложеніе 1734 г. (отдѣлы строительный и торговый). Его Императорское Величество однако можетъ, по благоусмотрѣнію, истребо-

вать отъ земскихъ чиновъ заключеніе въ дѣлахъ, относительно которыхъ содѣйствіе ихъ по основнымъ законамъ не представляется необходимымъ. Это именно тѣ случаи, когда имъ принадлежитъ лишь „*совѣщательный голосъ*“, и по такимъ вопросамъ не требуется, чтобы утвержденный законъ согласовался съ мнѣніемъ, выраженнымъ сеймомъ.

Сеймовый уставъ 1869 г., опредѣляющій подробнѣе порядокъ составленія и изданія законовъ, также ясно отличаетъ рѣшенія земскихъ чиновъ отъ ихъ заключеній [1].

Большинство административныхъ постановленій, разумѣется, издаются безъ предварительнаго истребованія заключенія земскихъ чиновъ, и стоитъ только просмотрѣть сборникъ постановленій Великаго Княжества, чтобы убѣдиться насколько обширна область тѣхъ вопросовъ, относительно которыхъ воля Государя становится закономъ помимо земскихъ чиновъ.

По вопросамъ экономическаго законодательства иногда могутъ возникать сомнѣнія относительно того, требуется ли основными законами содѣйствіе земскихъ чиновъ или нѣтъ. По что касается законоположеній, которыя могли бы имѣть какое либо значеніе для пре-

[1] Русскій текстъ въ данномъ случаѣ точно соотвѣтствуетъ шведскому и финскому текстамъ; мы особо указываемъ на это обстоятельство, такъ какъ Московскія Вѣдомости намекаютъ на какое то различіе въ этомъ отношеніи.

рогативъ Монарха, то въ этомъ отношеніи граница всегда ясна.

Вышеизложеннымъ опровергается первая часть злостной попытки Московскихъ Вѣдомостей подобіемъ доказательства подкрѣпить обвиненіе, будто бы сеймъ и сенатъ стараются ограничить власть Государя.

Вторая часть аргументаціи, пожалуй, еще болѣе неуклюжа. Московскія Вѣдомости утверждаютъ, будто конституція 1772 и 1789 гг. относитъ обложеніе хлѣбнаго вина, пива, табака и игральныхъ картъ къ „регаліямъ“ казны и будто она прямо признаетъ за Монархомъ право постановлять о налогахъ съ этихъ предметовъ независимо отъ народнаго представительства; — по словамъ газеты, финляндскому сейму лишь хитрыми уловками, при содѣйствіи сената, удалось захватить, подъ флагомъ самообложенія, право установлять налоги съ перечисленныхъ предметовъ „регальнаго“ права.

Между тѣмъ основные законы 1772 и 1789 гг. не содержатъ ни единаго слова о подобномъ регальномъ правѣ казны. Въ § 45 формы правленія 1772 г. постановлено, что Король „не можетъ налагать на подданныхъ какія либо военныя контрибуціи, новые налоги, рекрутскіе наборы или иныя подати безъ вѣдома, доброй воли и согласія Государственныхъ Чиновъ“ (за исключеніемъ случаевъ непріятельскаго нападенія). Основный же законъ 1789 г., — который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ расширилъ власть коро-

ля, — подтверждаетъ это постановленіе въ § 5, слѣдующими словами: „Такъ какъ истинная свобода состоитъ въ томъ, чтобы свободно давать на содержаніе государства, что найдено будетъ нужнымъ, то шведскій народъ[1] имѣетъ неоспоримое право относительно сего съ королемъ совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе".

Слѣдовательно, въ силу этихъ положеній основнаго закона, которыя съ 1809 г. примѣняются отдѣльно въ Финляндіи, разрѣшеніе налоговъ, по общему правилу, безъ сомнѣнія зависитъ отъ земскихъ чиновъ.

Однако существуетъ одно важное изъятіе, заключающееся въ томъ, что таможенный тарифъ утверждается непосредственно Государемъ. Кромѣ того Государь, помимо земскихъ чиновъ, утверждаетъ таксы для разнаго рода сборовъ, до нѣкоторой степени аналогичныхъ съ налогами, которыя однако по понятіямъ прежняго шведскаго и нынѣшняго финляндскаго государственнаго права не считаются таковыми; сюда относятся почтовый сборъ, канцелярскія пошлины, сборы за пользованіе общественными учрежденіями и т. п.

Кромѣ классификаціи по финансовому своему характеру, существующіе въ Финляндіи налоги раздѣ-

[1] Т. е. „финскій народъ", представителемъ котораго какъ въ законодательныхъ, такъ и въ финансовыхъ дѣлахъ являются земскіе чины Финляндіи.

ляются на постоянные, которые установлены безъ опредѣленія срока и расходованіе которыхъ на ординарныя государственныя потребности зависитъ исключительно отъ Его Императорскаго Величества, и на временные налоги, установляемые на извѣстный срокъ для такихъ государственныхъ потребностей, которыя подлежатъ обсужденію при участіи земскихъ чиновъ. Въ случаѣ надобности, эти временные налоги могутъ быть возобновлены или продолжены на новый срокъ; въ противномъ случаѣ, они прекращаются, какъ это случилось съ временнымъ подоходнымъ налогомъ, который былъ принятъ земскими чинами на сеймѣ 1863—64 гг., но впослѣдствіи, на сеймѣ 1885 г., признанъ былъ излишнимъ.

Московскія Вѣдомости главнымъ образомъ нападаютъ на временныя налоги, принятыя на сеймѣ 1888 г.

По поводу постановленія о временномъ гербовомъ сборѣ на 1889 — 1891 гг. газета замѣчаетъ, что о Государѣ Императорѣ, „единственномъ законномъ хозяинѣ въ этомъ сборѣ", нѣтъ даже упоминанія. Между тѣмъ постановленіе это начинается слѣдующими словами: „Божіею Милостію, Мы Александръ Третій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч., и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: Вслѣдствіе принятія на себя Земскими Чинами послѣдняго сейма Финляндіи временнаго гербоваго налога съ 1-го Января 1889 г. до исхода 1891 г., Мы

признали за благо, согласно съ принятыми ими притомъ правилами, Высочайше постановить слѣдующее".

Дѣло, какъ оказывается, разсматривалось въ порядкѣ, установленномъ основными законами: земскіе чины согласились на взиманіе гербоваго сбора по правиламъ, принятымъ ими на основаніи началъ Высочайшаго предложенія, Верховная же власть утвердила эти правила, повелѣвъ сенату издать соотвѣтственное постановленіе. Добросовѣстно ли утверждать, что права Государя нарушены финансовымъ закономъ, который Государемъ былъ переданъ на обсужденіе сейма, земскими чинами принятъ и Государемъ утвержденъ?

Московскія Вѣдомости приводятъ два примѣра недостаточной лояльности финляндцевъ.

Въ первомъ примѣрѣ указывается на постановленіе о временномъ налогѣ на пивовареніе, въ которомъ опредѣлено, что при ввозѣ изъ другихъ странъ (въ томъ числѣ и изъ Россіи) пиво оплачивается таможенною пошлиною въ размѣрѣ, указанномъ въ постановленіи.

Второй примѣръ касается установленнаго на сеймѣ 1888 г. временнаго налога съ табаку, которымъ, будто бы, также нарушаются финансовыя прерогативы казны по таможенному обложенію и который кромѣ того прямо направленъ противъ русскихъ интересовъ, такъ какъ онъ взимается и съ русскаго табака, привозимаго въ Финляндію.

Сеймъ 1888 г. не далъ ни малѣйшаго повода къ подобнымъ упрекамъ.

Согласно § 122 устава о воинской повинности для Великаго Княжества отъ 1878 г., земскимъ чинамъ надлежитъ назначать средства для покрытія расходовъ на содержаніе войска, если расходы эти превышаютъ свободныя суммы милиціоннаго фонда (т. е. поступленія отъ нѣкоторыхъ поземельныхъ податей, которыя издавна обращаются на потребности военнаго вѣдомства, и отъ сдаваемыхъ въ аренду прежнихъ военныхъ усадебъ).

Вслѣдствіе сего на сеймѣ 1882 г. земскимъ чинамъ предложены были проекты разныхъ новыхъ налоговъ, въ томъ числѣ и проекты налоговъ съ пивоваренъ и съ потребленія табака. О происхожденіи этихъ проектовъ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее.

Пивоварни до означеннаго времени платили лишь незначительную прямую подать. При введеніи же акциза съ солодовыхъ напитковъ необходимо было въ самый законъ включить опредѣленіе о томъ, что солодовые напитки не допускаются къ безпошлинному привозу въ Финляндію, и, разумѣется, нельзя было въ данномъ случаѣ допустить изъятія для Имперіи. Финляндское пиво, привозимое въ Россію, уже раньше было обложено таможенною пошлиною, въ видахъ предупрежденія неравной конкурренціи съ русскимъ товаромъ, платившимъ акцизъ, и, сознавая справедливость предложенной въ Финляндіи мѣры, министръ

финансовъ, заключеніе котораго было испрошено, выразилъ согласіе на введеніе таможеннаго сбора съ русскихъ солодовыхъ напитковъ (который по проекту равнялся лишь $^1/_5$ таможенной пошлины съ заграничныхъ солодовыхъ напитковъ). Вслѣдъ за симъ, дѣло было повергнуто на воззрѣніе Его Величества и проектъ сеймоваго предложенія по сему вопросу былъ Высочайше утвержденъ.

Если земскіе чины изъявили согласіе на финансовый законъ, предложенный имъ такимъ образомъ Верховною властью, то едва ли возможно назвать это захватомъ прерогативъ Императора.

Съ табака, который всюду считается удобнымъ объектомъ обложенія, платилась лишь сравнительно низкая таможенная пошлина и потому оказывалось возможнымъ усилить его обложеніе. Въ виду того что монопольная и акцизная системы раціональны только въ тѣхъ странахъ, которыя сами производятъ значительную часть обрабатываемаго на туземныхъ фабрикахъ сырья, обложеніе табака для потребностей военнаго бюджета проще всего можно было организовать установленіемъ добавочнаго сбора, взимаемаго при ввозѣ товара. Русскій табакъ уже прежде подлежалъ оплатѣ привозною пошлиною въ силу постановленія о торговыхъ сношеніяхъ между Россіею и Финляндіею. Министръ финансовъ съ своей стороны не находилъ препятствій къ распространенію новаго добавочнаго сбора и на русскій табакъ. Онъ хоро-

но понималъ, что этотъ сборъ падетъ не на русскихъ производителей, а на финляндскихъ покупателей русскаго товара, доставка котораго во всякомъ случаѣ обходится дешевле доставки иностраннаго, и что новое обложеніе, какъ это дѣйствительно затѣмъ и оказалось, не сократитъ также сбыта русскаго табака въ Финляндію. По окончаніи предварительной подготовки дѣла, — причемъ также было выяснено, что повышеніе таможенной пошлины съ табака не вызывается потребностями ординарнаго бюджета, — Его Императорское Величество повелѣлъ передать земскимъ чинамъ на сеймѣ 1882 г. соотвѣтственное Высочайшее предложеніе. Подобныя же предложенія поступали на обсужденіе земскихъ чиновъ въ 1885 и въ 1888 г. Участіе земскихъ чиновъ ограничивалось лишь изъявленіемъ согласія на эти Высочайшія предложенія.

Но Московскія Вѣдомости торжественно и всенародно заявляютъ, что своимъ рѣшеніемъ относительно временнаго налога съ табака сеймъ 1888 года узурпировалъ права Государя Императора и нарушилъ интересы русской промышленности!

Чтобы усилить впечатлѣніе, статья заканчивается слѣдующею тирадою:

„Вотъ что̀ значатъ финляндскіе сеймы. Будетъ ли подобная дѣятельность свободно развиваться и на предстоящемъ сеймѣ, и какія пройдутъ еще ограниченія для Верховной власти и стѣсненія для русскихъ

людей, — вопросъ, на который намъ, конечно, затруднительно отвѣтить.

Во всей статьѣ, разумѣется, не упоминается что какъ въ законодательныхъ, такъ и въ финансовыхъ вопросахъ ни одно рѣшеніе земскихъчиновъ не вступаетъ въ силу, если оно не будетъ одобрено и утверждено Государемъ. Такое поясненіе не только ослабило бы значеніе направленныхъ противъ сейма обвиненій, но и убѣдило бы читателя въ томъ, что всѣ разсужденія газеты заключаютъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ оскорбленіе Верховной власти, отъ которой зависитъ утверждать или не утверждать рѣшенія сейма.

Если Московскія Вѣдомости рѣшаются до такой степени извращать истину по вопросамъ, относительно которыхъ правильныя свѣдѣнія могутъ быть получены изъ оффиціальныхъ документовъ, то не удивительно, что и въ другихъ случаяхъ почтеннѣйшая газета безъ стѣсненій перетасовываетъ факты, руководствуясь своими враждебными къ Финляндіи тенденціями.

II.

Мы упомянули о *тенденціяхъ.* Разумѣется, изображеніе финляндскихъ дѣлъ въ ложномъ свѣтѣ не можетъ быть конечною цѣлью публицистическаго похода противъ Финляндіи; стремленіе это, повидимому, направлено къ уничтоженію политическихъ правъ Великаго Княжества и къ сліянію финскаго народа съ русскимъ, — подъ тѣмъ предлогомъ, что это, будто бы, требуется интересами Россіи и „достоинствомъ государства".

Прежде чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію этой политической программы, высказываемой болѣе или менѣе откровенно, намъ, однако, необходимо выяснить вопросъ, находящійся въ тѣсной связи съ нею, а именно вопросъ о мнимомъ *сепаратизмѣ* финляндцевъ.

Обвиненіе финляндцевъ въ сепаратизмѣ повторялось такъ часто въ русскихъ газетахъ, что оно, должно быть, многими признается безспорно правильнымъ. Между тѣмъ оно рѣшительно ни на чемъ не основано.

Что означаетъ слово „сепаратизмъ"? Оно означаетъ стремленіе выдѣлиться изъ общности или соединенія.

За все время соединенія Финляндіи съ Россійскою Имперіею, т. е. въ продолженіе слишкомъ восьмидесяти лѣтъ, въ Финляндіи не произошло ни одного событія, которое указывало бы на стремленіе нарушить это соединеніе. Какъ удостовѣреніе Императора Александра, отъ 15/27 марта 1809 г., которымъ утверждены были основные законы Финляндіи и на вѣчныя времена опредѣленъ государственно-правовой характеръ ея отношеній къ Имперіи, такъ и принесенная земскими чинами Финляндіи 17/29 марта присяга вѣрности Императору и Великому Князю, являются актами, обязательными для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній. Въ Финляндіи всѣми сознается, что вѣрноподданство Монарху связано съ обязанностью вѣрно держаться соединенія съ Россійскою Имперіею. Поэтому обвиненіе въ сепаратизмѣ заключаетъ въ себѣ обиду, ничѣмъ не вызванную со стороны Финляндіи.

Но если обратить вниманіе, въ какомъ смыслѣ слово сепаратизмъ употребляется нашими противниками, то оказывается, что обыкновенно подразумѣвается не вышеуказанное значеніе слова, а нѣчто совсѣмъ другое.

Любовь финскаго народа къ собственнымъ своимъ учрежденіямъ, желаніе сохранить ихъ и разви-

ваться подъ ихъ сѣнью — вотъ, что русскіе агитаторы позволяютъ себѣ называть сепаратизмомъ.

И почему бы имъ не поступать такимъ образомъ? Всякій русскій понимаетъ, что кличка „сепаратисты“ означаетъ нѣкотораго рода политическую неблагонадежность, если не преступность; и разъ неправильно употребленное слово стало лозунгомъ, то не трудно вызвать раздраженіе противъ всего, что газетнымъ писателямъ благоугодно подвести подъ понятіе сепаратизма.

Дѣйствительно, въ употребленіи этого лозунга не стѣсняются. Когда финляндскій сенатъ, по долгу службы, въ своихъ всеподданнѣйшихъ заключеніяхъ основывается на финляндскихъ законахъ и на интересахъ края, русскія газеты уже видятъ въ такомъ образѣ дѣйствія сепаратизмъ и даже сепаратистическую „оппозицію“. Законы, принятые земскими чинами по Высочайшему предложенію и утвержденные Верховною властью, приводятся въ доказательство сепаратизма финляндскаго сейма. Научныя сочиненія, заключающія въ себѣ спокойное, объективное изложеніе историческихъ судебъ Финляндіи или же финляндскаго публичнаго права, въ томъ видѣ, въ которомъ оно утверждено и далѣе развито общими Монархами Россіи и Финляндіи, называются просто „фанатическими памфлетами сепаратистовъ“; мало того, эпитетъ употребляется даже въ отношеніи сборниковъ изданныхъ Верховною властью актовъ, коль

скоро этими актами разсѣеваются всякія сомнѣнія относительно правъ, обезпеченныхъ за Финляндіею въ 1809 г. Если купцы русскаго происхожденія, въ интересахъ торговли изучаютъ языкъ своихъ покупателей, шведскій или финскій, и откровенно сознаются, что чувствуютъ себя хорошо въ новыхъ условіяхъ жизни, то, они рѣзко порицаются за то, что они заразились финляндскимъ сепаратизмомъ и т. д.

Напрасно было бы искать въ статьяхъ враждебныхъ намъ газетъ какого либо признанія или хотя бы мысли о томъ, что финскій народъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ *законное право* жить и развиваться согласно національному своему духу, сохраняя свои особыя учрежденія, и что правительственныя власти Финляндіи нарушили бы свой *долгъ*, если бы они въ своихъ представленіяхъ и дѣйствіяхъ не обращали вниманія на законы Великаго Княжества и на необходимыя условія преуспѣянія края. Вмѣсто того, русскіе шовинисты настаиваютъ, чтобы для финляндскаго правительства служили руководствомъ произвольныя ихъ требованія, свидѣтельствующія о совершенномъ незнакомствѣ съ битомъ финскаго народа, и чтобы въ сихъ видахъ разрушено было все великое дѣло Императора Александра I и все, что въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, въ развитіе положенныхъ Александромъ I основаній, осуществлено на благо Финляндіи.

Наше возраженіе на чудовищное обвиненіе въ сепаратизмѣ, пожалуй, можетъ показаться слишкомъ поверхностнымъ, если мы не остановимся на такихъ замѣчаніяхъ, которыя приводились въ видѣ доказательства мнимаго сепаратизма финляндскихъ политиковъ и законодателей.

Одно изъ этихъ замѣчаній касалось монетной системы Финляндіи. Реформы 1865 и 1877 г. являются, будто бы, плодомъ сепаратистическаго духа.

При этомъ упущено изъ виду, что и до означенныхъ реформъ монетная часть Финляндіи была отдѣлена отъ монетной части Имперіи. Въ 1809 г. на Боргоскомъ сеймѣ земскіе чины Финляндіи высказались въ пользу признанія русскаго серебрянаго рубля главною монетою края и Высочайшимъ манифестомъ отъ 17/29 декабря 1809 г. Императоръ Александръ I утвердилъ это рѣшеніе. Такимъ образомъ установлено было *сходство*, но не *общность* монетной части; иначе въ Финляндіи не могъ бы быть учрежденъ особый банкъ съ правомъ выпускать свои особые билеты. Реформа 1865 г. является лишь возвратомъ къ нормальнымъ условіямъ денежнаго обращенія, т. е. опредѣлено было только, что единственнымъ законнымъ платежнымъ средствомъ должна служить серебряная монета (рубль и введенная незадолго передъ тѣмъ новая счетная единица—марка, равнявшаяся 1/4 рубля). Прежде чѣмъ состоялось Высочайшее повелѣніе о приведеніи въ исполненіе этой реформы, осо-

бая коммиссія изъ русскихъ государственныхъ сановниковъ высказалась въ пользу проектированной мѣры. Когда затѣмъ, въ виду паденія цѣнности серебра, оказалось желательнымъ перейдти къ золотой монетной системѣ, то и на этотъ разъ изданіе новаго закона 1877 г. состоялось не безъ вѣдома министра финансовъ Имперіи, который до передачи земскимъ чинамъ Высочайшаго предложенія высказался за проектъ. — Если сравнить, съ одной стороны, громадное значеніе для Финляндіи постоянства монетной цѣнности и, съ другой стороны, тѣ мелкія неудобства, которымъ могутъ подвергаться петербургскіе дачники и русскіе туристы вслѣдствіе необходимости мѣнять русскія деньги, то нельзя не признать, что Высочайшія рѣшенія относительно обѣихъ монетныхъ реформъ, — не причинившихъ русской промышленности никакого вреда, — во всѣхъ отношеніяхъ являются правильными и справедливыми.

Указывалось и на особую организацію финскаго войска, какъ на выраженіе финляндскаго сепаратизма. Неосновательность этого утвержденія не можетъ подлежать сомнѣнію, если только обратить вниманіе на то, что поселенная система, согласно которой организовано было прежнее финское войско въ силу § 18 формы правленія 1772 г., кореннымъ образомъ отличалась отъ русской военной организаціи, и что финляндскій уставъ о воинской повинности отъ 1878 г. не только не увеличивалъ существовавшее раньше

различіе, но напротивъ, опредѣлилъ начала финляндской организаціи въ согласіи съ началами, установленными въ Имперіи за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Мы знаемъ, что этого недостаточно для нынѣшней маніи объединенія. Но мы знаемъ также, что достигнутое такимъ образомъ согласіе, — которое еще усиливается предоставленіемъ военному министру присвоенной его званію власти и въ отношеніи Финляндіи, — удовлетворяетъ всѣмъ разумнымъ требованіямъ и всѣмъ дѣйствительнымъ практическимъ потребностямъ.

Утверждалось также, будто сеймы создали большія затрудненія для русскихъ, желающихъ заниматься промышленною дѣятельностью въ Финляндіи. Въ дѣйствительности же законъ о промыслахъ, изданный въ 1879 г. при участіи земскихъ чиновъ, устранилъ сложныя правила прежняго законодательства по этому предмету. Въ настоящее время русскому, желающему открыть торговлю, вѣроятно приходится исполнить меньше формальностей въ Финляндіи, нежели въ Россіи. Вообще же, во всѣхъ законахъ, изданныхъ послѣ 1863 г. при участіи земскихъ чиновъ, не содержится ни одного опредѣленія, которое въ какомъ либо отношеніи ограничивало бы права, предоставленныя русскимъ въ Финляндіи по постановленіямъ Императоровъ Александра I и Николая.

Но таможенная черта — не лежитъ ли на ней печать сепаратизма? — Таможенная охрана на

границѣ между Имперіею и Финляндіею была учреждена по инпціативѣ финансоваго управленія Имперіи въ 1811 г., для предупрежденія безпошлиннаго водворенія иностранныхъ товаровъ изъ Финляндіи въ Россію, т. е. въ интересахъ финансовъ Россіи. Въ 1816 г. установленъ былъ порядокъ, который обезпечивалъ также финансы Финляндіи отъ возможныхъ убытковъ вслѣдствіе безпошлиннаго привоза иностранныхъ товаровъ изъ Имперіи. Туземныя произведенія допускались, однако, къ свободному привозу изъ одной страны въ другую. Съ нѣкоторыми видоизмѣненіями эта система, основанная на началахъ взаимности, оставалась въ силѣ до 1835 г. Изданныя же въ этомъ году правила о взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ составлены были довольно односторонне, преимущественно въ интересахъ Россіи. За исключеніемъ хлѣбнаго вина, всѣ товары, въ томъ числѣ и иностранные, допущены были къ безпошлинному привозу изъ Россіи въ Финляндію сухимъ путемъ или черезъ Ладожское озеро, тогда какъ иностранные товары при поступленіи въ Россію изъ Финляндіи подлежали вторичной оплатѣ пошлиною и безпошлинный привозъ финляндскихъ издѣлій былъ значительно стѣсненъ. Система эта, имѣвшая весьма неблагопріятное вліяніе на экономическое положеніе Финляндіи, наконецъ въ 1859 г. была измѣнена дѣйствующимъ по настоящее время постановленіемъ о торговыхъ сношеніяхъ, которымъ до нѣкоторой степени, но не вполнѣ, осу-

ществлялся принципъ взаимности. Съ тѣхъ поръ иностранные товары, привозимые изъ Россіи въ Финляндію сухимъ путемъ или черезъ Ладожское озеро, лишь отчасти свободны отъ оплаты пошлиною. Сахаръ, табакъ, соль и вина (впослѣдствіи также пиво) русскаго происхожденія не могли болѣе потребляться въ Финляндіи безъ уплаты налога въ пользу казны. Всѣ же прочіе русскіе товары и издѣлія и послѣ 1859 г. пропускаются въ Финляндію безпошлинно. Что касается привоза финляндскихъ издѣлій въ Имперію, то въ означенномъ году отмѣнены были нѣкоторыя ограниченія, которымъ онъ подлежалъ по правиламъ 1835 г. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, также способствовало развитію прозябавшей до того времени промышленности и такимъ образомъ увеличило покупательную силу потребителей русскихъ товаровъ. Въ 1885 г., по поводу повышенія иностраннаго тарифа Имперіи, въ Россіи изданы были правила, установившія новыя ограниченія по привозу финляндскихъ промышленныхъ издѣлій. Вслѣдствіе сего особенно пострадали желѣзодѣлательные заводы восточной Финляндіи. Въ Финляндіи вообще придерживаются того мнѣнія, что къ измѣненіямъ таможенной системы и правилъ о товарообмѣнѣ между Имперіею и Финляндіею слѣдуетъ приступать съ крайнею осторожностью, такъ какъ удовлетворительные результаты могутъ быть достигнуты и частными измѣненіями, тогда какъ радикальное преобразованіе

вызвало бы замѣшательство во всемъ экономическомъ строѣ. Этотъ консервативный взглядъ мотивируется также финансовыми соображеніями, ибо никоимъ образомъ не желательно, чтобы отмѣнено было нынѣшнее простое и ясное разграниченіе таможеннаго и акцизнаго сборовъ. Насколько несправедливо утверждать, будто дѣйствующія правила о торговыхъ сношеніяхъ благопріятствуютъ финляндскимъ „сепаратистамъ" въ ущербъ русской промышленности, въ этомъ можно убѣдиться по слѣдующимъ даннымъ, взятымъ изъ оффиціальной статистики Имперіи:

Цѣнность русскаго вывоза въ Финляндію составляла въ 1887 г. 17,005,000 руб., въ 1888 г. 19,328,000 рублей, между тѣмъ какъ цѣнность привоза изъ Финляндіи за эти же годы достигала лишь 10,819,000 и 11,428,000 рублей. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что если при обсужденіи вопроса о таможенной чертѣ и торговыхъ сношеніяхъ между Имперіею и Великимъ Княжествомъ, — вопроса экономическаго и финансоваго, — придавать экономическимъ и финансовымъ интересамъ лишь второстепенное значеніе, то можно дойти до требованій, которыя ведутъ къ далеко не благопріятнымъ результатамъ.

Старались также встревожить общественное мнѣніе утвержденіемъ, будто сенатъ самовольно подчинилъ себѣ дѣла православной церкви въ Финляндіи и недавно сдѣлалъ новый шагъ въ томъ же сепаратистическомъ направленіи, составивъ законопроектъ, ли-

шающій святѣйшій синодъ принадлежащей ему власти. Все это чистѣйшій вымыселъ. Какъ прежнія, изданныя въ Финляндіи постановленія о православныхъ приходахъ въ краѣ, такъ и означенный проектъ касаются исключительно *мірскихъ* отношеній приходовъ. Финляндскими постановленіями нормировались лишь экономическіе и административные вопросы, насколько это представлялось необходимымъ въ виду поступавшихъ отъ церковныхъ настоятелей представленій, и дѣйствіе всѣхъ этихъ постановленій распространяется только на финляндскихъ гражданъ православнаго вѣроисповѣданія. Что же касается упомянутаго проекта, то онъ составленъ коммиссіею, большинство которой состояло изъ представителей православнаго духовенства и приходовъ, и также содержитъ исключительно опредѣленія административнаго характера. До представленія на Высочайшее воззрѣніе и утвержденіе, этотъ проектъ во всякомъ случаѣ поступитъ на заключеніе святѣйшаго синода. Слѣдовательно имѣются на лицо всѣ гарантіи, чтобы святѣйшій синодъ не лишился принадлежащихъ ему правъ по завѣдыванію приходскими дѣлами въ отношеніяхъ церковномъ и нравственномъ.

Мы вполнѣ сознаемъ, что факты, приведенные въ нашемъ очеркѣ, не убѣдятъ явныхъ враговъ Финляндіи въ русской печати. Ибо, повидимому, они считаютъ, что всякое правительственное распоряженіе, коимъ какой либо вопросъ въ Финляндіи разрѣшает-

ся иначе чѣмъ въ Имперіи, можетъ быть названъ актомъ сепаратизма. Но настоящая статья для нихъ и не писана. Мы обращаемся къ такимъ лицамъ, которыя, въ виду происходящей въ Россіи ожесточенной агитаціи противъ Финляндіи, желаютъ составить себѣ объективное мнѣніе по вопросу объ отношеніяхъ Великаго Княжества къ Имперіи и о значеніи характера этихъ отношеній для русскихъ интересовъ. Отъ нихъ же, думается намъ, можно ожидать, что, хотя бы они симпатизировали съ выставленными за послѣднее время требованіями о сближеніи финляндскихъ учрежденій съ русскими, они, *по крайней мѣрѣ*, не поддадутся вліянію своихъ симпатій при сужденіи о законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, которые относятся къ времени, когда въ Россіи еще не возникало и мысли о подобныхъ требованіяхъ.

Мы переходимъ теперь къ той части нашего предмета, которая для практическаго дѣятеля имѣетъ большее значеніе, чѣмъ опроверженіе неосновательной критики и несправедливыхъ обвиненій, а именно къ краткому разсмотрѣнію вопроса о томъ, дѣйствительно ли измѣненіе правового положенія Финляндіи требуется общими интересами Россійской державы.

III.

Напрасно вступать въ полемику, если нельзя исходить изъ опредѣленныхъ признанныхъ положеній. Невозможно, напримѣръ, полемизировать съ тѣмъ, кто сегодня отрицаетъ существованіе основныхъ законовъ въ Финляндіи, а завтра требуетъ, чтобы основные законы Финляндіи были отмѣнены Самодержавною властью, — такой человѣкъ съ самаго начала вращается въ очевидномъ противорѣчіи.

Мы должны предположить, что всякій серьезный политикъ или юристъ признаетъ права, существующія какъ de jure, такъ и de facto, т. е. такія права, которыя дѣйствуютъ и осуществляются на основаніи положительнаго закона, и такимъ образомъ не относятся къ категоріи „правъ на бумагѣ“ и не основываются лишь на практикѣ, обязательность коей могла бы подлежать спору. Далѣе мы предполагаемъ, что не отрицается и правило о томъ, что измѣненіе или отмѣна закона можетъ состояться лишь въ законномъ порядкѣ.

Въ данномъ случаѣ мы не можемъ вдаваться въ историческое или теоретическое разъясненіе политическаго положенія Финляндіи послѣ 1809 г., такъ какъ иначе слишкомъ разрослась бы наша статья; но чтобы имѣть исходную точку при разсмотрѣніи вышеприведеннаго вопроса, мы напомнимъ о слѣдующихъ фактахъ, которые всякій, кто желаетъ, можетъ провѣрить по доступнымъ печатнымъ документамъ:

a) Послѣ того какъ Финляндія въ теченіе 1808 г. окончательно была занята русскими войсками, но до начала мирныхъ переговоровъ со Швеціею, Императоръ Александръ I, 20 января (1 февраля) 1809 г., Высочайше повелѣлъ, „чтобы, согласно постановленіямъ края, общій сеймъ собрался въ г. Борго“ къ 10/22 марта 1809 г.

b) 15/27 марта 1809 г. Императоръ собственноручно подписалъ Высочайшее удостовѣреніе всѣмъ жителямъ Финляндіи, которымъ утверждались и удостовѣрялись религія и основные законы края.

c) 17/29 марта 1809 г. въ Боргоскомъ соборѣ состоялся торжественный актъ, на которомъ прочтено было упомянутое Высочайшее удостовѣреніе и земскіе чины Финляндіи принесли присягу вѣрности Россійскому Императору какъ Великому Князю Финляндіи.

d) Основные законы, которые до того времени дѣйствовали въ Финляндіи, какъ въ части шведскаго государства, и которые при соединеніи Финляндіи съ

Россію, согласно удостовѣренію Императора Александра I, сохранили силу въ видѣ основных законовъ Великаго Княжества, — суть слѣдующіе: Форма Правленія 1772 г., Актъ соединенія и безопасности 1789 г. и нѣкоторыя постановленія о составѣ и дѣлопроизводствѣ риксдаговъ (называемыхъ нынѣ сеймами) [1].

е) Для общаго управленія Финляндіи, регламентомъ 6/18 августа учрежденъ былъ Правительствующій Совѣтъ (переименованный затѣмъ въ Императорскій Финляндскій Сенатъ); этимъ регламентомъ, который предварительно былъ переданъ на обсужденіе земскихъ чиновъ на Боргоскомъ сеймѣ, измѣнены были нѣкоторыя положенія основныхъ законовъ 1772 и 1789 г., касательно организаціи управленія.

---

[1] Чтобы ослабить значеніе того факта, что Императоръ Александръ I утвердилъ основные законы Финляндіи, одинъ русскій писатель, г. К. Ординъ, — потратившій много усилій для извращенія всего, что касается политическаго положенія Финляндіи, — рѣшается утверждать, будто ни Императоръ, ни русскіе его совѣтники не имѣли понятія о содержаніи шведско-финскихъ основныхъ законовъ (Покореніе Финляндіи, II, стр. 300, 315). Въ дѣйствительности же, до утвержденія Государемъ основныхъ законовъ Финляндіи, существеннѣйшія ихъ положенія изложены были въ трехъ отдѣльныхъ мемуарахъ, о которыхъ упоминается также въ книгѣ самого г. Ордина. Подробнѣе вопросъ этотъ разсмотрѣнъ въ сочиненіи проф. Р. Даніельсона: Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою, Гельсингфорсъ, 1890 г., стр. 102 и слѣд.

f) Основные законы Финляндіи, — о сохраненіи которыхъ всѣми Августѣйшими Преемниками Императора Александра I при восшествіи на престолъ изданы удостовѣренія, однородныя съ вышеупомянутымъ удостовѣреніемъ отъ 15/27 марта 1809 г., — впослѣдствіи были развиты сеймовымъ уставомъ отъ 3/15 апрѣля 1869 г. и, кромѣ того, подверглись также нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ.

Слѣдовательно, что бы ни говорилось, существованіе основныхъ законовъ Финляндіи не можетъ быть отрицаемо.

Нѣкоторыми высказывалось, что права Финляндіи основываются лишь на добровольномъ обѣщаніи Императора и не обезпечены никакою международною гарантіею, вслѣдствіе чего права эти, дарованныя по великодушію, во всякое время могутъ быть отняты у Финляндіи, коль скоро того требуютъ государственные интересы.

Въ Финляндіи вполнѣ цѣнятъ благодѣяніе, которое Императоръ Александръ I оказалъ финскому народу, сохранивъ основные его законы и весь правовой его порядокъ вообще. Чувство искренней благодарности не уменьшается сознаніемъ, что Императоръ руководствовался также политическимъ благоразуміемъ и заботливостью объ интересахъ Россіи. Но мы отказываемся понять, чтобы съ принципами права и нравственности можно было согласить то странное ученіе, будто добровольное обѣщаніе менѣе обяза-

тельно, чѣмъ обѣщаніе, вынужденное трактатами или иными внѣшними обстоятельствами.

Кромѣ того, по данному вопросу сами основные законы даютъ совершенно ясный отвѣтъ. Примыкая къ §§ 39, 42 и 57 основнаго закона 1772 г., § 71 утвержденнаго Императоромъ Александромъ II сеймоваго устава 1869 г. постановляетъ: „Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основнаго закона можетъ послѣдовать не иначе какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій“.

Такимъ образомъ ясно намѣченъ порядокъ, который долженъ быть соблюдаемъ, когда признано необходимымъ подвергнуть измѣненію положенія основныхъ законовъ Финляндіи. Порядокъ этотъ нисколько не противорѣчитъ основнымъ законамъ Имперіи, ибо все, что постановлено въ русскихъ основныхъ законахъ относительно законодательства, касается лишь Имперіи, подобно тому какъ и въ отношеніи управленія Великаго Княжества ими не предоставляются никакія полномочія правительственнымъ властямъ Имперіи.

Автономія Финляндіи или, другими словами, государственная самостоятельность, которою Финляндія пользуется во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ, основывается главнымъ образомъ на слѣдующихъ принципахъ, установленныхъ основными законами края:

въ Финляндіи имѣютъ силу лишь тѣ постановленія, которыя въ видѣ финляндскихъ законовъ утверждены Императоромъ и Великимъ Княземъ и по Высочайшему повелѣнію обнародованы къ руководству въ Великомъ Княжествѣ;

Великое Княжество управляется согласно съ основными и прочими его законами;

Финляндія имѣетъ свои особыя финансы;

земскіе чины Финляндіи, являющіеся представителями финскаго народа, участвуютъ въ законодательствѣ и въ установленіи налоговъ;

управленіе края находится въ рукахъ финляндскихъ властей;

дѣла по гражданскому вѣдомству края докладываются Его Императорскому Величеству финляндскимъ статсъ-секретаремъ.

Однако Великое Княжество вполнѣ солидарно съ Имперіею во всемъ, что касается международныхъ отношеній Россійской державы. Равнымъ образомъ автономія Финляндіи не служитъ препятствіемъ къ изданію въ Великомъ Княжествѣ постановленій однороднаго содержанія съ обнародованными въ Имперіи, если по какому либо дѣлу признано необходимымъ установить согласіе между законодательствами обѣихъ странъ. Подобные случаи повторялись неоднократно. Порядокъ, который при этомъ долженъ быть соблюдаемъ, указанъ въ сводѣ законовъ Имперіи (т. I учрежденіе министерствъ ст. 218 прим.) и въ фин-

ляндскомъ постановленіи о статсъ-секретаріатѣ отъ 17 марта 1826 г., гл. II, § 14. Если, съ другой стороны, финляндскимъ сенатомъ проектировано какое либо постановленіе или иная мѣра, которая могла бы затрогивать русскіе интересы, то министръ статсъ-секретарь обязанъ до представленія дѣла на Высочайшее рѣшеніе передать вопросъ на заключеніе подлежащей власти въ Имперіи.

Такъ какъ, къ тому же, на должность генералъ-губернатора обыкновенно назначаются лица, которыя въ теченіе долговременной службы въ Россіи подробно ознакомились съ русскими порядками, то, казалось бы, имѣются на лицо всѣ необходимыя гарантіи для того, чтобы управленіе и законодательство Финляндіи не шло путями вредными для Россіи.

И дѣйствительно, какъ бы настойчиво ни повторялось утвержденіе противниковъ Финляндіи о вредѣ, наносимомъ Россіи управленіемъ и законодательствомъ Великаго Княжества, доказать подобное утвержденіе невозможно.

Въ какой отрасли государственной жизни развитіе Финляндіи могло бы нанести вредъ Россіи?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, бросимъ бѣглый взглядъ на преобразовательныя мѣры, осуществленныя въ Финляндіи съ 1863 г., когда вновь началось правильное участіе сеймовъ въ области законодательства и финансовъ.

Первое мѣсто занимаетъ реформа основныхъ законовъ, которая состоялась изданіемъ въ 1869 году сеймоваго устава. Этою реформою не расширялись права земскихъ чиновъ, но вводились улучшенія въ организаціи сословнаго представительства и въ дѣлопроизводствѣ сеймовъ, причемъ также установлена была періодичность сеймовъ, благодаря которой стало возможнымъ правильное развитіе края.

Гражданское законодательство въ существенной мѣрѣ улучшено какъ въ области семейнаго, такъ и въ области договорнаго права. Эти реформы могутъ касаться русскихъ интересовъ лишь въ томъ отношеніи, что русскимъ теперь легче получить въ Финляндіи удовлетвореніе по долговымъ обязательствамъ, благодаря упрощенному производству дѣлъ конкурсныхъ и о раздѣлѣ общаго имущества.

На устарѣлость положеній уголовнаго законодательства неоднократно и вполнѣ основательно обращалось вниманіе съ русской стороны, въ виду того, что по постановленію 1826 года, согласно принципу подсудности преступленій по мѣсту совершенія, и русскіе могутъ быть привлекаемы къ уголовному суду въ Финляндіи. Но коль скоро вступитъ въ силу новое уголовное уложеніе отъ 19 декабря 1889 г., изданію котораго предшествовала коренная реформа тюремной части, исчезнутъ также всѣ поводы къ опасеніямъ относительно примѣненія въ подобныхъ случаяхъ устарѣлыхъ наказаній.

Отмѣна нѣкоторыхъ устарѣлыхъ опредѣленій сословныхъ привилегій имѣла значеніе лишь для внутренняго соціальнаго быта.

Новые законы о поземельномъ владѣніи, допускающіе значительное дробленіе имѣній, существенно облегчили пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ, между прочимъ и для дачъ. Этимъ удобствомъ воспользовались весьма многіе русскіе.

Отмѣна прежнихъ цеховыхъ порядковъ и введеніе болѣе свободнаго промышленнаго законодательства, какъ выше указано, нисколько не могло повредить русскимъ промышленникамъ. Въ связи съ этимъ укажемъ на значительное развитіе банковой дѣятельности; въ настоящее время почти въ каждомъ городѣ края имѣется по крайней мѣрѣ одна банковая контора, вслѣдствіе чего сношенія русскихъ торговцевъ съ финляндскими покупателями въ высшей степени оживились и облегчились.

Въ области экономическихъ отношеній слѣдуетъ затѣмъ отмѣтить значительное развитіе желѣзнодорожной сѣти, которое также содѣйствовало сбыту русскихъ товаровъ въ Финляндіи. Кромѣ того и съ стратегической точки зрѣнія нельзя считать безразличнымъ тотъ фактъ, что по желѣзнымъ дорогамъ, въ случаѣ надобности, цѣлые военные отряды въ теченіе нѣсколькихъ дней могутъ быть доставлены изъ Петербурга въ оборонительные пункты во всѣхъ частяхъ края.

Въ интересахъ мореплаванія изданъ новый морской уставъ въ 1873 г., учреждена пенсіонная касса мореходцевъ, издавались разныя административныя постановленія, а также разрѣшались ссуды на судостроеніе. Если русскій торговый флагъ развѣвается на финляндскихъ судахъ во всѣхъ частяхъ свѣта, то обстоятельство это до сихъ поръ не считалось вреднымъ для Имперіи, да и нынѣ едва ли имѣются какія либо причины измѣнить этотъ взглядъ.

Сюда же примыкаетъ вопросъ о лоцманскихъ и маячныхъ учрежденіяхъ. За разсматриваемый періодъ число большихъ маяковъ увеличилось въ нѣсколько разъ и кромѣ того устроено около 80 мелкихъ маяковъ; поставлены многочисленные предостерегательные знаки и многіе фарватеры точнѣе изслѣдованы и обозначены. При этомъ всегда обращалось вниманіе на потребности русскаго военнаго флота; такъ, напр., были приняты мѣры къ распространенію знанія русскаго языка среди лоцмановъ. Всѣ проекты новыхъ сооруженій сообщались на заключеніе въ морское министерство, и едва ли случалось, чтобы министерство высказалось противъ проектированной мѣры.

Въ шестидесятыхъ годахъ приступлено было къ важной реформѣ, нынѣ почти оконченной, по урегулированію правъ ландбауеровъ прежнихъ донаціонныхъ имѣній въ Выборгской губерніи. Имѣнія, значительная часть которыхъ принадлежала

русскимъ, покупались финляндскою казною и, по размежеваніи, уступались крестьянамъ въ кредитъ съ срочнымъ погашеніемъ долга. Относительно этой мѣры высказывались иногда и неблагопріятныя сужденія. Но такъ какъ имѣнія пріобрѣтались по добровольному соглашенію и по цѣнѣ, нерѣдко превышавшей дѣйствительную ихъ цѣнность, то едва ли продавцы имѣли поводъ къ неудовольствію.

Очеркъ этотъ, разумѣется, не можетъ претендовать на полноту. Но въ виду сказаннаго нами раньше, на стр. 22 — 28, о монетной части и о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, едва ли нами пропущена какая либо отрасль, заслуживающая вниманія съ русской точки зрѣнія.

Въ теченіе того же періода было также пересмотрѣно законодательство объ евангелическо-лютеранской церкви, общинное управленіе организовано на современныхъ началахъ, призрѣніе бѣдныхъ улучшено, система поземельнаго и подушнаго обложенія упрощена и самые налоги уменьшены, законодательство о хлѣбномъ винѣ преобразовано согласно началамъ, въ значительной степени уменьшившимъ пьянство; кромѣ того, изданъ новый лѣсной уставъ и разными постановленіями облегчено устройство горныхъ заводовъ, лѣсопиленъ и мукомольныхъ мельницъ, вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство все болѣе стало обращать вниманія на положеніе рабочаго класса. Но какъ на перечисленныхъ, такъ и на многихъ

другихъ прогрессивныхъ мѣрахъ намъ не приходится подробнѣе останавливаться, такъ какъ едва ли мыслимо, чтобы подобныя реформы могли вызвать неудовольствіе въ Имперіи. По этой же причинѣ мы лишь мимоходомъ укажемъ на то, что означенный періодъ богатъ также реформами въ области организаціи государственнаго управленія; для большинства центральныхъ учрежденій изданы новыя инструкціи и въ то же время образованы новыя правительственныя учрежденія, въ которыхъ чувствовалась потребность. Въ частности, благодаря цѣлесообразнымъ инструкціямъ, изданнымъ сенатомъ, и при помощи значительныхъ кредитовъ, Высочайше разрѣшенныхъ на открытіе новыхъ почтовыхъ учрежденій и на развитіе почтовыхъ сношеній, по почтовой части за послѣдніе годы осуществлены важныя усовершенствованія, заслужившія полнаго одобренія со стороны публики.

Русскіе, интересующіеся дѣломъ народнаго образованія и слѣдившіе за ходомъ развитія народнаго просвѣщенія въ Финляндіи, вѣроятно не откажутся признать, что и на этотъ предметъ обращались энергическія усилія. Программа народноучилищной реформы, утвержденная Его Императорскимъ Величествомъ въ Высочайшемъ постановленіи 1866 г., осуществлена при помощи принятыхъ земскими чинами налоговъ и добровольныхъ пожертвованій общинъ. Въ виду успѣха этой реформы, послѣднее двадцати-

пятилѣтіе составляетъ эпоху въ исторіи народнаго образованія въ Финляндіи. Что касается среднихъ учебныхъ заведеній, то во всѣхъ частяхъ края имѣются лицеи и женскія учебныя заведенія, открытые для молодежи, стремящейся къ образованію. При Гельсингфорсскомъ университетѣ постоянно учреждались новыя кафедры, а число студентовъ увеличилось слишкомъ вдвое.

Для подготовки лицъ, посвящающихъ себя промышленной дѣятельности, устроены многочисленныя земледѣльческія и молочно-хозяйственныя училища, навигаціонныя классы, школы ручнаго труда, ремесленныя и промышленныя училища, а также политехническій институтъ.

Важное соціальное значеніе имѣютъ также мѣры, коими проведена равноправность обоихъ туземныхъ языковъ края въ общественной жизни. Послѣ того какъ финскій языкъ, благодаря энергичному труду въ области науки и литературы, достигъ достаточнаго развитія, языкъ этотъ нынѣ употребляется, на ряду со шведскимъ, въ законодательствѣ, въ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ, а также въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ.

Всякій, кто обратится къ представителямъ низшихъ классовъ населенія съ вопросомъ о томъ, какого они мнѣнія о реформахъ, состоявшихся послѣ 1863 г., убѣдится, что и эти классы населенія сознаютъ успѣхи, сдѣланные въ Финляндіи, и цѣнятъ пло-

ды, которые достигнуты благодаря означеннымъ реформамъ, въ особенности въ отношеніи поднятія экономическаго и нравственнаго уровня населенія. Народъ понимаетъ, что интеллигенція края дѣйствовала не изъ своекорыстныхъ видовъ, а трудилась на пользу всего общества, и, пожалуй, въ особенности на пользу низшихъ классовъ. Дѣйствительно, въ настоящее время отношенія между отдѣльными классами населенія края настолько хороши, что едва ли въ какой либо странѣ Европы господствуетъ болѣе полное соціальное согласіе.

Хотя мы такимъ образомъ съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія озираемся на развитіе, достигнутое несмотря на неблагопріятный климатъ и скудныя природныя средства страны, мы все таки не ослѣплены. Мы вполнѣ понимаемъ, что по прежнему требуется напряженный трудъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни, чтобы устранить существующіе недостатки и развиваться далѣе. Но достигнутые результаты вызываютъ въ насъ чувства благодарности и радости: — чувство благодарности къ великодушнымъ Монархамъ, покровительствовавшимъ патріотическимъ стремленіямъ и поощрявшимъ ихъ, — чувство радости въ виду плодовъ этихъ стремленій и по поводу того, что плоды эти достигнуты собственными силами края, безъ какихъ либо жертвъ со стороны Россіи.

Никто не можетъ осудить насъ, если мы въ настоящее время рѣшаемся особо указать и на тотъ фактъ, что порядокъ, спокойствіе и законопослушаніе, не только за послѣднія десятилѣтія, но и за все время соединенія Финляндіи съ Имперіею, ненарушимо господствовали въ краѣ. Политическимъ и соціальнымъ агитаціямъ, которыя охватывали общество въ большинствѣ прочихъ странъ Европы, не удалось проникнуть въ Финляндію. Здѣсь имѣется надежный оплотъ противъ такого зла: — укоренившееся въ народѣ уваженіе къ закону и непоколебимая его преданность Государю Императору.

IV.

На эту отрадную картину нынѣшніе руководители общественнаго мнѣнія въ Россіи хотятъ набросить черный покровъ.

Одни громко требуютъ радикальнаго упраздненія конституціи Финляндіи.

Другіе, — мы имѣемъ въ виду, между прочимъ, статью Новаго Времени отъ 31 октября (12 ноября) текущаго года, N:o 5271, которая, очевидно, не является простымъ выраженіемъ личныхъ мнѣній автора, — увѣряютъ, положимъ, что никому не приходитъ въ голову лишать финляндцевъ правъ и привилегій, дарованныхъ имъ конституціею, или отмѣнять „административную" автономію Финляндіи, но тутъ же, безъ запинки, требуютъ такихъ измѣненій, которыя фактически подорвали бы какъ финляндскую автономію, такъ и конституціонныя права финляндцевъ.

И почему? Объясненіе обыкновенно дается лишь въ общихъ выраженіяхъ: „потому что нынѣшнее положеніе Финляндіи не совмѣстимо съ достоинствомъ Россійскаго государства и съ прерогативами Верхов-

ной власти"; — или: „потому что права Финляндіи наносятъ вредъ интересамъ Россіи".

Въ отвѣтъ на первое возраженіе приведемъ лишь нѣсколько краткихъ замѣчаній. Едва ли что-нибудь болѣе достойно великой державы, чѣмъ политика умѣреннаго пользованія своею властью, являющая благородный примѣръ уваженія права слабыхъ. Для Всероссійскаго же Самодержца нисколько не унизительно, если его скипетру, кромѣ Имперіи, подчинено также соединенное съ нею Великое Княжество, для населенія котораго, уже въ виду особаго склада народнаго характера, требуются особыя учрежденія. Учрежденія эти, хотя и отличаются отъ учрежденій Имперіи и предоставляютъ народному представительству участіе въ законодательствѣ и въ установленіи налоговъ, не отнимаютъ у Верховной власти возможности, по благоусмотрѣнію, постановлять о всѣхъ дѣлахъ, которыя дѣйствительно являются общегосударственными интересами. Кромѣ того, для Государя не можетъ быть безразлично то обстоятельство, что и въ случаѣ наступленія въ другихъ странахъ тревожнаго времени, Онъ твердо можетъ разсчитывать на вѣрность народа, на законный ходъ управленія и на сохраненіе спокойствія въ Финляндіи, пока страна эта пользуется собственными законами и учрежденіями, приноровленными къ быту и потребностямъ народа.

Второе объясненіе,— относительно вреда, который будто бы права Финляндіи наносятъ интересамъ Россіи, — собственно говоря, само требуетъ объясненія.

Какимъ интересамъ нанесенъ вредъ? Какимъ образомъ онъ нанесенъ?

Безъ положительнаго отвѣта на эти вопросы никакія толки о нарушенныхъ интересахъ не могутъ быть признаны достаточнымъ основаніемъ для колебанія правоваго положенія Финляндіи. Всякій серьезный и безпристрастный политикъ согласится, что отвѣтъ не данъ газетными статьями, которыя въ ложномъ свѣтѣ изображаютъ финляндскія дѣла и не знаютъ иного критерія, кромѣ озлобленія и недоброжелательства.

Выраженіе „интересы Россіи“ не можетъ быть абстрактною фразою; интересы эти должны проявляться въ опредѣленныхъ областяхъ государственной дѣятельности и народной жизни. Въ дѣйствительности нѣтъ общаго интереса, который не имѣлъ бы представителя въ лицѣ одного изъ министерствъ. Исходя изъ соотвѣтственной классификаціи, мы можемъ поэтому разсмотрѣть указанные вопросы, которые мы уже выше на стр. 37—40, выяснили съ финляндской точки зрѣнія.

Международные интересы безъ сомнѣнія не испытали никакого неудобства отъ автономіи Финляндіи. Во всѣхъ чисто политическихъ сношеніяхъ съ иностранными державами единство Россійской державы нисколько не нарушалось и не ослаблялось существо-

ваніемъ въ Финляндіи особыхъ законовъ, которые, подобно законамъ Имперіи, признаютъ за Государемъ неограниченную власть во всѣхъ международныхъ дѣлахъ. Въ договорахъ о юридическихъ вопросахъ, о торговлѣ и мореплаваніи иногда оказывалось необходимымъ обращать вниманіе на особое законодательство и особыя экономическія условія Финляндіи. Но статьями, которыя въ такихъ случаяхъ включались въ договоры, не требовались какія либо уступки со стороны Имперіи, а удовлетворялись лишь разнообразные интересы всей державы. — Кромѣ того, при историческомъ взглядѣ на вещи нельзя не признать, что для достиженія мирнаго и прочнаго рѣшенія сѣвернаго вопроса русской политики, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ представлялось урегулированіе положенія Финляндіи именно согласно съ тѣми началами, которыя были проведены Императоромъ Александромъ I по одержаніи побѣды надъ Швеціею.

Для каждаго ясно, что учрежденія Финляндіи не являются препятствіемъ для возведенія укрѣпленій, устройства складовъ, для расположенія русскихъ войскъ въ Финляндіи и для иныхъ подобныхъ мѣръ, которыя могутъ оказаться необходимыми для защиты государства. Общій же военный министръ можетъ вліять на то, чтобы въ финскихъ войскахъ военная подготовка происходила по той же системѣ, которая примѣняется въ русскихъ войскахъ.

Равнымъ образомъ и дѣятельность морскаго министерства не затруднялось автономіею Финляндіи. Что касается услугъ, оказанныхъ военному флоту финляндскимъ лоцманскимъ вѣдомствомъ, то мы ссылаемся на сказанное нами выше на стр. 39.

Если обратиться затѣмъ къ министерству народнаго провѣщенія, то едва ли требуется особое разъясненіе, чтобы констатировать фактъ, что интересамъ, ввѣреннымъ этому министерству, не наносится ущерба развитіемъ народнаго просвѣщенія въ Финляндіи.

Столь же ясно и то, что дѣятельность министерства государственныхъ имуществъ не парализуется усиліями финляндскаго правительства, направленными къ развитію путей сообщенія, къ улучшенію хозяйства въ государственныхъ имуществахъ и къ поднятію земледѣлія въ Финляндіи.

Что же касается судебной части, то, насколько намъ извѣстно, до послѣдняго времени никѣмъ не утверждалось, чтобы въ этой области самостоятельность Финляндіи была сопряжена съ неудобствами для Россіи. Нынѣ мы стоимъ передъ тѣмъ фактомъ, что *полагаютъ*, будто новое финляндское уголовное уложеніе даетъ поводъ къ замѣчаніямъ. Такъ какъ содержаніе этихъ замѣчаній намъ подробнѣе не извѣстно, а также по другимъ причинамъ, мы въ данномъ случаѣ не можемъ провѣрить основательность этихъ замѣчаній. Но если исходить изъ совершенно новой точки зрѣнія, будто финляндское уложеніе яв-

ляется лишь „мѣстнымъ закономъ" въ рамкахъ уголовнаго уложенія Имперіи [1]), то критика a priori получаетъ направленіе, которое можетъ вести къ весьма серьезнымъ недоразумѣніямъ при толкованіи закона. *Если бы* однако дѣйствительно было доказано, что финляндское уголовное уложеніе содержитъ опредѣленія, которыя могутъ вызвать пререканія между судебными мѣстами Имперіи и Великаго Княжества, то, по всей вѣроятности земскіе чины приняли бы всякій проектъ необходимыхъ измѣненій, который въ нормальномъ порядкѣ поступилъ бы на сеймъ.

Министерству финансовъ, пожалуй болѣе чѣмъ какому либо другому, приходится разсматривать дѣла, въ которыхъ соприкасаются русскіе и финляндскіе интересы. Изъ приведеннаго нами выше, на стр. 25 и сл., о таможенной части и торговыхъ сношеніяхъ, повидимому, уже можно заключить, что и въ этихъ дѣлахъ не причиненъ ущербъ русской промышленности и торговлѣ; кромѣ того отмѣтимъ только, что, хотя финансы Финляндіи не входятъ въ кругъ дѣятельности министерства, обстоятельство это однако, насколько извѣстно, никогда и ни въ чемъ не затрудняло финансоваго управленія въ Россіи.

[1] Дѣйствіе опредѣленій основныхъ законовъ Имперіи (гл. VIII, ст. 48), касательно законовъ мѣстныхъ, не распространяется на законодательство Великаго Княжества. Ни одно постановленіе означенной главы не имѣетъ въ виду финляндскихъ законовъ.

Обращаясь, наконецъ, къ обширной сферѣ тѣхъ интересовъ, которые относятся къ вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, нельзя не согласиться, что все, касающееся нормальной дѣятельности губернскаго управленія, земства и полиціи, имѣетъ слишкомъ мѣстный характеръ, чтобы по этимъ дѣламъ особое законодательство Великаго Княжества могло имѣть какое либо значеніе для интересовъ Имперіи. Относительно же прочихъ вопросовъ намъ неизвѣстно, чтобы заявлялись какія либо фактическія замѣчанія, кромѣ указаній на то, что по финляндскимъ законамъ право пріобрѣтать недвижимое имущество въ Финляндіи не предоставлено всѣмъ русскимъ и что на государственную службу въ Финляндіи могутъ поступать лишь финляндскіе граждане.

На самомъ дѣлѣ, Высочайшимъ постановленіемъ отъ 25 февраля 1851 г. опредѣлено, что лица, не состоящія въ финляндскомъ гражданствѣ, могутъ пріобрѣтать недвижимое имущество въ Финляндіи лишь съ особаго каждый разъ Высочайшаго разрѣшенія, за исключеніемъ русскихъ дворянъ, которые могутъ пріобрѣтать имѣнія при соблюденіи общихъ правилъ закона. — Но хотя, такимъ образомъ, дѣйствительно только русскіе *дворяне* пользуются означеннымъ правомъ, всетаки инипіатива къ этому ограниченію не исходила отъ Финляндіи; ограниченіе это проведено согласно съ заключеніемъ подлежащихъ властей въ Имперіи. Въ настоящее время однако

ожидается измѣненіе указанныхъ опредѣленій, и съ финляндской стороны не ставилось никакихъ затрудненій въ этомъ отношеніи. Замѣтимъ впрочемъ, что русскимъ, не принадлежащимъ къ дворянскому сословію, всегда разрѣшалось пріобрѣтать недвижимое имущество въ Финляндіи.

По вопросу о томъ, что финляндское гражданство является непремѣннымъ условіемъ для поступленія на государственную службу въ Финляндіи, необходимо прежде всего указать, что это правило, въ которомъ хотятъ видѣть доказательство сепаратизма, вовсе не установлено сеймами послѣдняго времени. Оно примѣняется съ 1809 г. въ силу опредѣленій основныхъ законовъ. Изъ дѣйствія этого правила изъята лишь одна должность, а именно должность генералъ-губернатора.

Отъ всѣхъ чиновниковъ края необходимо требовать, чтобы они, проживая въ краѣ, пріобрѣли знакомство съ бытомъ и характеромъ народа, чтобы они владѣли языками финскимъ и шведскимъ и чтобы они подверглись испытанію по тѣмъ спеціальнымъ знаніямъ, которыми по закону должны обладать лица, назначаемыя на службу по разнымъ отраслямъ управленія [1]). Едва ли можно предположить, чтобы этимъ

---

[1]) Въ русскихъ газетахъ недавно опять стали повторять прежнюю сказку, будто финляндскіе юристы не обладаютъ высшимъ образованіемъ. Утверждаютъ, будто „по свѣдѣніямъ имѣющимся въ министерствѣ юстиціи" (?!) изъ числа 250 финлянд-

условіямъ удовлетворяли лица, не состоящія въ финляндскомъ гражданствѣ. Но если русскій подданный

скихъ судей, въ судахъ низшей инстанціи и въ гофгерихтахъ, лишь 20 обладаютъ университетскимъ образованіемъ. — Эта безсовѣстная ложь удивила бы насъ, если бы мы не успѣли уже привыкнуть къ подобнымъ выходкамъ. Въ Финляндіи нѣтъ ни одного судьи, ни одного чиновника по судебной части, который бы не сдалъ при университетѣ судейскаго или обще-юридическаго экзамена. Обще-юридическій экзаменъ приблизительно соотвѣтствуетъ экзамену на кандидата правъ при русскихъ университетахъ. Судейскій экзаменъ, который не даетъ права на службу въ сенатѣ и на назначеніе членомъ гофгерихта, отличается отъ обще-юридическаго лишь въ томъ отношеніи, что онъ не обнимаетъ государственныхъ наукъ. Для подготовки къ этимъ экзаменамъ при университетѣ требуется обыкновенно отъ 4 до 5 лѣтъ.

Таковы фактическія обстоятельства; Московскія же Вѣдомости, исходя изъ приведеннаго ложнаго утвержденія, считаютъ необходимымъ, чтобы Россія послала въ Финляндію образованныхъ чиновниковъ для устраненія важныхъ неудобствъ, которымъ, будто бы, подвергается населеніе, вслѣдствіе того, что Финляндія, по бѣдности своей, не можетъ настолько развить свои учебныя заведенія, чтобы ея чиновники могли пріобрѣтать въ нихъ достаточную степень образованія!

Если бы эти комичные реформаторы финляндскихъ дѣлъ знали хотя бы *что нибудь* о Финляндіи, то имъ было бы также извѣстно, что университетъ и политехническое училище въ Гельсингфорсѣ находятся на одномъ уровнѣ съ соотвѣтственными учрежденіями въ Россіи.

P. S. Корреспонденція изъ Финляндіи, помѣщенная въ Московскихъ Вѣдомостяхъ отъ 22 ноября (4 декабря), лишній разъ доказываетъ, что сотрудники газеты *не хотятъ* видѣть ве-

настолько расположенъ къ Финляндіи и ея учрежденіямъ, что онъ рѣшается окончательно поселиться въ краѣ, поступить на финляндскую службу и подготовиться къ ней, то его, конечно, не удержитъ одна формальность подачи прошенія о предоставленіи ему правъ финляндскаго гражданства.

Во всякомъ случаѣ, однако, неправильно утверждать, что приведенное правило вредитъ интересамъ Россіи; развѣ что можно говорить о неудобствахъ для *нѣкоторыхъ русскихъ подданныхъ* — число которыхъ, безъ сомнѣнія, весьма невелико.

Рискуя утомить читателя, мы, такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ старались освѣтить вопросъ о томъ, имѣется ли *реальное основаніе* для утвержденія, будто финляндская автономія вредна для интересовъ Россіи; мы могли придти только къ тому выводу, что такого основанія вовсе не имѣется.

Мы полагаемъ, что самое утвержденіе зародилось въ мірѣ чувствъ. Сознаніе великой національной мощи придало силы стремленію осуществить всеохватывающее національное единство. Не намъ судить, какая можетъ быть польза для развитія Имперіи отъ вліянія этого направленія на политику. Но мы имѣемъ право откровенно заявить, что требованія русскаго національнаго самосознанія преступаютъ свои естественные и

щей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Финансы, пути сообщенія, администрація, общественное мнѣніе по политическимъ вопросамъ — все изображено въ ложномъ видѣ.

законные предѣлы, коль скоро они и на Финляндію стремятся распространить всеобщее объединеніе.

Хотя Финляндія неразрывно соединена съ Имперіею и составляетъ такимъ образомъ часть Россійской державы, она, тѣмъ не менѣе, имѣетъ свою отдѣльную территорію, населенную особымъ народомъ. Объявляя, что финскій народъ „отнынѣ введенъ въ чреду народовъ“, Императоръ Александръ I не произносилъ слова, лишенныя значенія; ибо, даруя Финляндіи государственныя учрежденія, основывающіяся на древнемъ правовомъ порядкѣ, Александръ I, тѣмъ самымъ, несомнѣнно предоставилъ народу право жить своею собственною жизнью, развиваться сообразно своему характеру и во всемъ, что касается внутреннихъ дѣлъ, дѣйствовать въ качествѣ финской націи, рядомъ съ могущественнымъ русскимъ народомъ и съ Имперіею, главенство которой въ вопросахъ политики всей державы не могло вслѣдствіе сего подвергнуться какому либо ущербу.

Финскій народъ не можетъ быть пересозданъ. Хотя бы требованія московскихъ публицистовъ съ нарушеніемъ существующихъ правъ были осуществлены и государственныя учрежденія Финляндіи искажены или уничтожены, — предположеніе, которое на самомъ дѣлѣ едва ли слѣдуетъ считать возможнымъ, — всетаки этимъ не достигалось бы національное объединеніе. Различіе между русскими и финнами не ограничивается такими отношеніями, которыя мо-

гутъ быть измѣнены закономъ или приказомъ; оно проявляется во всемъ: въ языкѣ и народномъ характерѣ, въ нравахъ и склонностяхъ, въ религіи и міровоззрѣніи. Нѣтъ средства, которымъ бы вопреки законамъ природы можно было превратить березу въ дубъ или сосну. Точно также невозможно привить финскому народу чуждую національность, взамѣнъ его собственной, которая сложилась подъ вліяніемъ совмѣстнаго дѣйствія природныхъ условій и историческаго развитія и которая сплотила въ одно цѣлое шведскій и финскій элементы населенія. Лишеніе учрежденій, которыя до сего времени содѣйствовали творческому культурному труду въ краѣ, не истребило бы самобытности народа, но дѣйствительно погрузило бы его въ отчаяніе и печаль и затормазило бы дальнѣйшее его развитіе. Попытка слiянія явилась бы въ Финляндіи дѣломъ разрушенія, которое, навѣрное, не доставило бы Россіи ни выгоды, ни могущества, ни уваженія.

Но задача политики — сохранять и развивать, а не искажать и разрушать. Политика не должна гнаться за призраками или слѣдовать съ случайными теченіями общественнаго мнѣнія къ неяснымъ или пагубнымъ цѣлямъ, она должна принимать въ разсчетъ всѣ реальныя данныя и спокойно взвѣшивать послѣдствія своихъ дѣйствій. Съ другой же стороны, правонарушенія, будь то открытыя или косвенныя, никогда не приносили чести политикѣ.

Сознавая эти истины, мы не хотимъ и не можемъ повѣрить, чтобы программа московскихъ публицистовъ окончательно проникла въ тѣ недоступныя для страстей сферы, въ которыхъ подготовляются политическія мѣропріятія.

Однако мы не должны упускать изъ виду, что мнѣнія, имѣющія многочисленныхъ приверженцевъ, по всей вѣроятности обратятъ на себя вниманіе государственныхъ дѣятелей, и нельзя не опасаться, что указанныя нами требованія, которыя для Финляндіи имѣютъ самое существенное значеніе, среди многочисленныхъ задачъ міровой политики Россіи явятся лишь второстепеннымъ эпизодомъ и потому не будутъ подвергнуты всестороннему тщательному разсмотрѣнію, которое одно только и можетъ привести къ объективному сужденію о положеніи вещей. По этой именно причинѣ мы не можемъ ограничиться пассивнымъ выжиданіемъ, но должны содѣйствовать къ разъясненію возбужденныхъ вопросовъ, настаивая на необходимости внимательнаго ихъ изслѣдованія.

При внимательномъ же изслѣдованіи, мы увѣрены, не будутъ одобрены разрушительныя тенденціи и не будетъ признана необходимою система вмѣшательства по вопросамъ, которые при дружелюбномъ отношеніи всегда могутъ быть разрѣшены вѣрнѣе, на основаніи простыхъ и умѣренныхъ принциповъ.

Мы знаемъ навѣрное, что финляндскіе правительственные органы всегда ставили себѣ за правило

не домогаться для Финляндіи льготъ, которыя противорѣчили бы интересамъ Россіи или требовали бы жертвъ съ ея стороны, а также по мѣрѣ возможности удовлетворять всѣ законныя желанія и требованія русскихъ властей. И здѣсь, конечно, какъ и во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, возможны недоразумѣнія и ошибки. Но во всякомъ случаѣ взаимными разъясненіями можно устранить ихъ, сохраняя спокойствіе и согласіе. Такъ поступали и прежде. Если требуется измѣнить какую нибудь деталь въ устройствѣ зданія, то незачѣмъ колебать фундамента.

Финляндцы отлично понимаютъ, что если бы интересы Великаго Княжества оказались несовмѣстными съ интересами Имперіи или всей державы, то пришлось бы уступить Финляндіи. Но безъ сомнѣнія справедливо желаніе, чтобы мѣропріятія въ области внутреннихъ дѣлъ, часто развивающіяся въ Финляндіи иначе чѣмъ въ Имперіи, не считались вредными для Россіи въ виду одного лишь этого неизбѣжнаго *различія*. Кромѣ того, въ Финляндіи также вполнѣ правильно придерживаются того мнѣнія, что и при производствѣ дѣлъ, касающихся взаимныхъ отношеній Имперіи и Великаго Княжества, основные законы края безусловно должны быть соблюдаемы.

Гельсингфорсъ, 11 декабря / 29 ноября 1890 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр. 46 строка 4 снизу	Финляндіи, пока страна эта пользуется	Финляндіи, пользующейся
„ 49 „ 12 сверху	министерство государственныхъ имуществъ	министерствъ путей сообщенія и государственныхъ имуществъ